

О СПОРТ, ТЫ – ВОЙНА?

Олег Кильдюшов

Спортивные игры Современности
как субститут вооруженных конфликтов

Бег. Александр Дейнека, 1932—1933 гг.

На полях дружеских сражений засеивались семена, которые в другое время и на других полях приносили плоды победы.

Дуглас Макартур

Наша изнеженность, наша недостаточная физическая подготовленность представляют угрозу нашей безопасности.

Джон Ф. Кеннеди

Несмотря на «легкомысленную» этимологию самого слова «спорт», — а оно возникло в английском языке на основе позднелатинского *deportare* («отвлекаться», «развлекаться») — связь телесных упражнений и войны исторически представляется как бы очевидной. Существует даже определенная традиция рассматривать спортивные состязания праздных слоев общества как «бесмысленные» пережитки милитаризма (Веблен). Историки выводят этос античных со-

ревнований, как и греческого агона в целом, из этоса воина-аристократа. Автор классического труда о древнем спорте Э. Норман Гардинер утверждал, что «единственные спортивные события, которые интересовали римлян, — это бои: обычный бой, кулачный бой и панкратион». Античный автор Филострат говорит о том, что техника боя в виде панкратиона позволяла поддерживать хорошую физическую форму греческих армий, что, в частности, проявилось в сражениях при Марафоне и Фермопилах. Однако такой крупный социолог, как Норберт Элиас, писал, что применительно к социологии модерна генетическая связь войны и современного спорта не столь однозначна, поскольку методы ведения войны и спортивные состязания во времена индустриальных национальных государств далеко разошлись друг от друга в сравнении с временами гоэплитов: «Эсхил, Сократ и Демокрит про-

шли трудную школу сражений в армии гоэплитов. Платон имел победы на некоторых спортивных праздниках. Таким образом, идеализация воина в греческой скульптуре и даже представление о богах в соответствии с идеальным физическим обликом аристократического воина и победителя соревнований составляло органическую особенность той культуры, выражало социальную позицию, образ жизни и идеалы этого общества». Элиас пытался решить проблему генезиса современного спорта в рамках своей теории цивилизации. Основной проблемой здесь является корреляция между возникновением специфических форм спорта и образованием самих обществ западного модерна. Как известно, классик пытался разрешить данный вопрос посредством гипотезы, увязывавшей физические состязания с формированием институтов мирного разрешения конфликтов (парламентаризм, придворное общество).

Милитаризм и язык спорта

Физическое воспитание в XIX веке означало военно-спортивную дисциплину. Так, в Германии строго упорядоченные движения в едином коллективе с военизированными ритуалами стали важнейшей частью правильной тренировки школьников. Подобное воспитание было направлено в т.ч. на формирование послушных солдат, готовых к коллективному действию. Такие коллективные жесты, как совместные физические упражнения под звуки военного марша, превращали «воображаемое сообщество» в «обозримую нацию». Или, как формулирует известный немецкий исследователь спорта Томас Алкемайер: «Пластическое моделирование, наложенное на душевное воображение, сплело нынешний успех, общее происхождение и общий дух в единый конгломерат идей. Так кодировалось национальное самосознание». Национал-социалисты также активно использовали образы и метафоры телесного для активизации

политического бессознательного: сами репрезентативные сценарии нацистов основывались «на непосредственном ощущении спортивного тела, не обремененного рефлексией, историческим чувством, сочувствием и тоской».

Примечательно, что, покинув свою родину, Англию, спортивный дух соединился в странах европейского континента с придворно-милитаристскими традициями, уже отжившими в стране его происхождения. Немецкий историк спорта Кристиана Айзенберг среди подобных традиций стран-импортеров перечисляет пристрастие к униформе и наградам. Стоит ли говорить, что отсюда прямой путь к спортивным медалям, которые победители стали носить на своей одежде, словно боевые ордена. Также бросается в глаза, что многие спортивные понятия заимствованы, по сути, из языка войны. Причем речь идет не только о словах из терминологии и сленга силовых противоборств (схватка, бой) или иг-

ровых видов спорта (нападение, защита, фланг, бомбардир, тренерский штаб), но и таких базовых категориях соревновательной конкуренции, как борьба, победа, поражение, разгром и т.д. И хотя в языке спорта нет понятий «враг» или «противник», семантика и прагматика, казалось бы, более мирного словечка «соперник» часто приобретают всевозможные импликации языка ненависти, например, в случае принципиального («исторического») противостояния сторон. Причем это может касаться как конкуренции между клубами одного региона (феномен локального «дерби» вроде матчей «Торино» — «Ювентус», «Спартак» — ЦСКА и т.п.), так и между национальными командами. Примером последнего рода могут служить футбольные матчи Англия — Аргентина или Англия — Германия. Исторически мотивированная милитаристская семантика спортивных игр всячески подогревается прессой. Например, никогда не отличавшиеся особой щепетильностью ме-

диа Великобритании не упускают случая напомнить немцам о нацистском прошлом, пытаясь представить каждую встречу сборных Германии и Англии как очередной раунд исторического противостояний цивилизации и варварства. Язык трибун, свободный от какой бы то ни было политкорректности, прямо выражает ситуацию войны, когда описывает спортивные игры как некие сражения на поле битвы. Российские болельщики также пытаются осваивать эту скользкую дорожку, используя семантические ресурсы отечественной истории: так, их баннеры все чаще содержат аллюзии Полтавы при встрече наших спортсменов со шведами, Сталинграда и «Ледового побоища» — с немцами и т.п. Примечательно, что современные клубные фанаты пытаются конструировать символическое пространство борьбы, когда говорят, например, о «союзниках», «нейтралах» и даже «дипломатических коалициях», заключаемых с болельщиками других команд с це-

Бойцы панкратиона. Копия греческой скульптуры III в. до н. э.

люю противостояния третьим. Что уже говорить о духоподъемных речевках и песнопениях «ультрас», являющихся, по сути, полноправными наследниками боевых кличей и песен времен культурной юности человечества. Ощущение и манифестация воинского братства болельщиков находит свое полное выражение особенно на так называемых «выездах» — во время организованных поездок торсиды на вражескую территорию — т.е. на стадионах «принципиальных» соперников, во «враждебном окружении» фанатов местного клуба и местных же сил правопорядка...

Война и генезис массового спорта

Многими исследователями подчеркивается рубежный характер Первой мировой войны в истории спорта, поскольку с переходом к позиционной войне на Западном фронте командования воюющих армий вводили соревнования внутри и между частями с целью уберечь миллионы зарывшихся в землю молодых мужчин от морального разложения. Чтобы занять солдат и поддержать воинскую дисциплину в условиях окопной войны, проводились футбольные и гандбольные матчи, ставшие излюбленным занятием фронтовиков в свободное от боев время. Более того, известны слова одного прусского генерала, с неодобрением отмечавшего, что спортивные состязания «больше влияли на войсковую жизнь отдельных подразделений, чем скучная служба с оружием». По мнению К. Айзенберг, мировая война стала для спорта своеобразной «рекламной акцией», поскольку вернувшиеся с войны фронтовики толпами повалили в спортивные клубы и на трибуны стадионов. Причем исследовательница отмечает связанные с этим изменения в спорте на нескольких уровнях. Во-первых, в результате массового наплыва соревнований утратили былой элитарный характер. Во-вторых, прошедшие во время войны спортивные социализацию фронтовики «не избавились от усвоенного понимания спорта, как избавились военной формы», что повлекло за собой резкое изменение характера соревно-

Значок члена германской команды и участника олимпийского шествия. 1936 г.

ваний в сторону небывалого роста нарушений правил и грубости. Изменился даже язык спорта: соревнования превратились в привычный для солдат Kampf, а Sportfreund — в Sportkamerad.

Историки спорта Пайффер и Тобиас подтверждают, что превращение спорта в массовый феномен происходит именно в 20-е годы, причем при активной поддержке армии. Речь идет, прежде всего, о футболе, поскольку «идеальный образ футбольного игрока отвечал всем требованиям к современному солдату». Более того, в политизированной оптике 20-х и 30-х произошло отождествление клубов с определенными социальными стратами. Так, во многих крупных городах Европы возникли представления о «народных» («красных») командах социальных низов и (более) «элитарных» («буржуазных») командах средних слоев. Например, в Милане так было окрашено противостояние «Милана» и «Интера», а в Мюнхене — «Баварии» и TSV 1860. Таким образом, произошла проекция классовой борьбы на спортивные соревнования. И хотя сегодня подобное политическое восприятие борьбы местных команд вряд ли уместно, тем не менее эхо былых социальных битв по-прежнему присутствует в семантике клубной идентичности и болельщицком фольклоре.

«Спортивные войны»

Однако во многих странах и после окончания мировых войн сохранялась важная роль армии в развитии спорта. Так, Марсель Фарнер и Гельмут Дигель, авторы исследования «Спорт высших достижений в международном сравнении» (2005), анализируя успехи ведущих спортивных наций, отмечают значительный вклад военных в становление большого спорта во многих странах. На примере бундесвера они показывают возможность успешного использования военной службы в пропаганде и поддержке спорта, объясняя ее «тесной сопряженностью в армейской среде спортивного воспитания, постоянного финансового обеспечения и строгих программ подготовки кадров». Помимо Германии они также называют Италию и Россию в качестве стран, где в прошлом множество атлетов топ-уровня состояло на службе в вооруженных силах или иных силовых структурах (правоохранительных, пограничных и т.д.). Таким образом, это военные спортсмены суть «солдаты спорта, всегда готовые к выполнению своего воинского долга».

К сожалению, связь спорта и войны может принимать более непосредственный характер, нежели заслуги военных спортсменов в установлении новых рекордов. Наиболее громким случаем, когда спортивные соревнования оказались в центре вооруженного противостояния государств, безусловно, является «футбольная война» между Сальвадором и Гондурасом, произошедшая летом 1969 года. Своё название она получила из-за того, что непосредственным поводом к вооруженному конфликту, приведшему к многочисленным жертвам с обеих сторон (около 2000 убитых), стало поражение национальной команды Гондураса от сборной Сальвадора в отборочном матче чемпионата мира по футболу. Речь шла о серии матчей (по одному в каждой стране, а в случае равенства результата назначался третий матч на нейтральном поле) за право выхода в финальную часть мундиала 1970 года в Мексике. Первые беспорядки произошли уже 6 июня во время первого матча в Тегусигальпе, где сборная Гондураса победила со счетом 1:0. Истерия вокруг этой серии достигла такого накала, что в Сальвадоре был зафиксирован случай суицида на

Болельщики ФК «Ливерпуль» английской премьер-лиги

футбольной почве: некая сеньора застрелилась, не вынеся национального позора. Ситуация стала выходить из-под контроля властей после ответного матча 15 июня в Сан-Сальвадоре, где хозяева разгромили Гондурас со счетом 3:0. После избиения в Сальвадоре гондурасских футболистов и болельщиков и сжигания флагов Гондураса в соседней стране в ответ произошли нападения на сальвадорцев, причем неустановленное число лиц погибло и было ранено, а десятки тысяч бежали из страны. Пресса обеих стран довела националистическую истерию до такого уровня, что после третьего матча (27 июня, Мехико), в котором Сальвадор сумел в дополнительное время со счетом 3:2 завоевать путевку на чемпионат, режим гондурасского президента Освальдо Лопеса Арельяно разорвал дипломатические отношения со своим соседом. Боевые действия начались 14 июля наступлением сальвадорских вооруженных сил. Стоит ли говорить, что в скоротечной, но кровавой Guerra del Fútbol проиграли обе стороны. Что касается чисто спортивного итога этой драматической истории, то пробившаяся в результате на чемпионат мира сборная Сальвадора заняла там последнее место в группе 1, проиграв все три матча с разницей

в 9 мячей. Причем два из них были на счету лучшего бомбардира сборной СССР Анатолия Бышовца...

Недавние события вокруг противостояния сборных Алжира и Египта во время отборочного турнира на чемпионат мира 2010 года в ЮАР напомнили мировой общественности об этой истории 40-летней давности. Имевшие равенство по всем показателям (разница забитых и пропущенных мячей, результаты личных встреч) сборные этих арабских государств для выявления сильнейшего должны были провести дополнительный матч на нейтральном поле в Судане 18 ноября 2009 года. Как и уже предшествующая встреча, данный матч между Алжиром и Египтом сопровождался столкновениями болельщиков двух команд, подогретыми активной пропагандистской кампанией в СМИ. В результате произошло обострение отношений между двумя странами.

Неутешительные выводы

Именно «бессмысленность» спорта, его «искусственность», заключающаяся в сознательном преодолении

ограничений и препятствий, т.е. отсутствие каких-либо утилитарных целей, объясняет широкую привлекательность спортивных игр для людей эпохи модерна. Однако, по словам социального теоретика Кристофера Лэша, спорт быстро «вырождается», если его начинают использовать не по назначению — например, для воспитания граждан в милитаристском духе или для выражения чувств национальной гордости. И действительно, в утрированно патриотическом угаре «боление за своих» может приобрести такие же нелепые черты, что и «пение за Родину» на каком-нибудь «Евровидении». И хотя мы уже вряд ли можем представить современный спорт вне националистических идентификаций, тем не менее именно свободная игра волею, (в идеале) непредсказуемый характер результатов соревнований по известным правилам, а также (теоретически) идеальная конкуренция идеальных тел делают спорт важнейшей культурной практикой современности. Любые попытки инструментализации спорта угрожают превратить его в суррогат (символической) войны.